

3.4. Образы поляков и польский миф в русской литературе

Взаимоотношения России и Польши были острыми и драматичными на всем протяжении их исторического соседства. В XIX веке, в условиях напряженного соперничества русского и польского «национальных проектов», стереотип поляка в русской культуре был преимущественно негативным. Решающую роль в его формировании сыграла реакция на польские восстания 1794, 1830–31 и 1863 гг. в русском обществе. В 60-е гг. полонофобия достигла в России апогея, и во второй половине XIX в. т. н. «польский вопрос» становится одной из самых актуальных политических, социальных и культурных проблем.

«Польская проблема», отчасти затронутая в предыдущем параграфе о немцах на материале середины XIX в., будет рассматриваться здесь на примере другой эпохи, когда на фоне Первой мировой войны и роста анти-немецких настроений заново актуализировались идеи славянского «родства» и русско-польского «братства». В трех из четырех разделов этого параграфа речь пойдет о сознательном конструировании «экзотической» поэтической автобиографии М. Цветаевой. Ее «поэтическая идентичность» строится, прежде всего, на основе русских и польских стереотипных черт, но к ним она добавляет «еврейство», символизирующее для нее «отверженность» поэта. Противопоставляя себя Ахматовой, Цветаева также основывается на национальном критерии. На этот раз она утверждает собственную «польскость» на фоне поэтически переосмысленного ею восточного (татарского) происхождения Ахматовой.

Отдельный сюжет представляет раздел о возможном источнике фамилии (и, в какой-то степени, характера) героя комедии Грибоедова — Чацкого. Здесь рассмотрена репутация польского патриота графа Т. Чацкого и мифологизация его биографии в русской культуре. Это позволяет раскрыть предысторию того польского мифа, который создавался во второй половине XIX в., подхваченного и переосмысленного в творчестве поэтов Серебряного века.

3.4.1. Польский патриот граф Чацкий и Чацкий из комедии Грибоедова*

Инна Булкина

Герой этого раздела — не персонаж комедии Грибоедова, а реальный человек, польский общественный деятель, ученый, библиофил и просветитель граф Фаддей (Тадеуш) Чацкий (1765–1813). Его роль в истории польского и украинского просвещения неоспорима, хотя сейчас о нем чаще вспоминают библиофилы и историки «украинской идеи»¹. Его репутация в

* Работа выполнена при поддержке гранта ЭНФ № 7901 ««Идеологическая география» западных окраин Российской империи в литературе». Параграф написан на основании статьи автора: «Известная фамилия»: польский патриот граф Тадеуш Чацкий // *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia* XII: Мифология культурного пространства: К 80-летию Сергея Геннадиевича Исакова. Тарту, 2011. С. 250–265.

¹ См.: [Меламед 1976; Меламед 1978], а также <http://www.lechaim.ru/ARHIV/176/melamed.htm>. В работах по истории «украинской идеи», как правило, фигурирует статья Чацкого «О naswisku Ukraïny i rozcatku kosakov» и, собственно, теория Фаддея Чацкого и Яна Потоцкого об украинцах как отдельном народе, не связанном с русским и происходящем от неких «укров», пришедших на Днепр из Заволжья. Корни этой теории связаны с рефлексиями польских патриотов по поводу риторики, которой «закреплялись» в российском сознании разделы Польши: присоединение к России бывших территорий Речи Посполитой декларировалось как «возвращение исконно русских земель». На медали, отлитой в память разделов, было вычеканено: «отторженная возвратих». Не исключено, что именно Чацкого имел в виду автор «Истории русов» в полемическом пассаже: «...В одной ученой историйке выводится на сцену из древней Руси или нынешней Малой России новая некая земля при Днепре, называемая тут Украиной, а в ней заводятся польскими королями украинские казаки, а до того будто бы сия земля была пуста и необитаема, и казаков в Руси не бывало. Но видно г. писатель такой робкой историйки не бывал нигде из своей школы и не видал в той стране, называемой им Ук-

российских литературных и политических кругах первой трети XIX в. едва ли становилась предметом отдельного исследования. Связь графа Чацкого с одноименным героем грибоедовской комедии кажется нам вероятной, хотя мы ни в коем случае не предполагаем в нем реального прототипа Александра Андреевича Чацкого. Наша задача — восстановить тот исторический и культурный контекст, который так или иначе мог ассоциироваться с этим именем в России 1810–1820-х гг.

Граф Фаддей (Тадеуш, Игнатий Цезарий Августин Иосиф Иоанн Непомук Онуфрий) Чацкий родился в 1765 г. на Волыни, в своем родовом имении, в Порыцке, умер в 1813-м в Дубне и был похоронен в Кременце. В польской, украинской и русской традициях его имя, как правило, вспоминают в разных контекстах. В украинских источниках, как мы покажем ниже, кроме политических ассоциаций «на злобу дня», сохранился контекст легендарный. В Польше о графе Чацком говорят в одном ряду с Гуго Коллонтаем. В российских же источниках имя Фаддея Чацкого, как правило, соседствует с именем Адама Чарторыйского.

Гуго Коллонтай, выдающийся педагог-теоретик и политический мыслитель, автор т. н. «Конституции 3 мая» — главного итога деятельности патриотической партии между первым и вторым разделами Польши. В России Коллонтая больше знали в его политической ипостаси. После поражения восстания Костюшко Коллонтай оказался в тюрьме и был освобожден хлопотами все того же Адама Чарторыйского в 1802 г. Коллонтай поселяется на Волыни и пишет программу для самого известного из просветительских проектов Чацкого — Волынской Гимназии (Кременецкого Лицея). Коллонтай и в просветительской, и в политической деятельности был по большей части теоретиком. Чацкий воплощал его просветительские идеи в практические проекты. В отличие от Коллонтая, он не принадлежал к партии патриотов, но после поражения восстания сотрудничать с торговицкой конфедерацией отка-

раинной, русских городов, самых древних и по крайней мере гораздо старейших от его королей Польских» [История Русов: III–IV].

зался и на время отошел от дел. Но он был в большей степени практик и проектант в буквальном смысле, нежели политик и идеолог. Он без конца порождает десятки проектов, некоторые из них воплощались в жизнь. Чацкий «был неукротим в своих проектах, дерзок и энергичен в их исполнении» (“*bujnym był w tworzeniu przedsięwzięć a nagłym i dzielnym w ich dokonaniu*”) [Osiński: 200]. Один из первых польских биографов Чацкого и создатель его посмертной апологии — ксендз Алоизий Осинский — приводит длинный перечень его проектов. Мы приведем лишь некоторые — те, которыми Чацкий, будучи членом Финансовой комиссии сейма, занимался до восстания 3 мая:

- за свой счет издал гидрографическую карту Польши и Литвы, с указанием течения почти 5000 рек и речек; по его же инициативе была издана на 13 таблицах гидрографическая карта Днестра с промером глубины от Ушицы до Бендер;
- разработал программу ограничения порубок леса;
- изучал и описывал месторождения соли и рынки соли, составлял отчеты об истории торговли Польши и Порты (“*Uwagi o handlu polskiem*”);
- составил проекты о строительстве дорог, о приведении в порядок генеральной кассы и т. д.
- принимал участие в проведении реформ, облегчающих положение евреев в Польше, и в 1807-м издал отдельную книгу “*Rozprawa o Zydach i Karaidach*” (эту книгу запрашивал Н. М. Карамзин — сначала через А. И. Тургенева, а затем напрямую у самого Чацкого — см.: [Меламед 1976]).

Кроме того, он работал вместе с Коллонтаем в Эдукационной комиссии, основал «Товарищество Друзей Науки» (“*Towarzystwo przyjaciół nauk*”, 1800) и «Коммерческое товарищество» (“*Towarzystwo handlowe*”, 1802).

С Адамом Чарторыйским он сближается после поражения восстания (они вместе хлопочут в Петербурге о возвращении имений), и далее его имя фигурирует в контексте деятельности «польских друзей императора Александра». В 1803-м Адам Чарторыйский становится попечителем Виленского учебного

округа, Чацкий — его товарищем (заместителем), фактически — вторым лицом в округе.

На Воляни и шире — в округе Чацкий был фигурой чрезвычайно известной и, безусловно, харизматичной. Он исполнял должность визитатора учебных заведений. Когда его назначили в должность, в трех входивших в округ губерниях было 5 учебных заведений, когда же в 1813 г. он умер, их насчитывалось уже 126.

Фактически, он собирал деньги на учреждение школ у местного дворянства:

Чацкий обратился к патриотическому чувству дворян. Киевское дворянство пожертвовало одновременно по одному рублю ассигнациями с каждой ревизской души, что составило капитал 46,2 тыс. рублей для устройства в Киеве гимназии [Сбитнев: 462].

То же он проделал затем в Виннице:

Чацкий, держа в руках книгу, приготовленную для записывания пожертвований на задуманный им кременецкий лицей, явился во дворянское собрание, произнес экзальтированную речь, которую воспламенил своих земляков, и хотя думал маскироваться распространением просвещения вообще, но невольно проговорился, что все это предпринимается им “dla ocalenia drozszego dziedzictwa — towy godakow” — для сохранения родового наследства, — языка своих единоплеменников. Вскоре потом (20 Окт. 1803.) был устроен в г. Луцке съезд латинского духовенства, куда также явился Чацкий с восторженною речью и с приглашением к пожертвованиям. И от дворян, и от духовенства пожертвования посыпались щедрою рукою, так что в самое короткое время из таких пожертвований составилось 415,720 польских злотых, или 62,358 рублей серебром [Кулжинский: 457–458].

Впрочем, кроме частных пожертвований Чацкий нашел еще один источник средств:

Еще до уничтожения Польши сейм 1775 года определил: все имения и капиталы, оставшиеся в королевстве польском после изгнанных иезуитов, обратить в пользу училищ, — для управления каковыми делами была учреждена в Польше так называемая «Эдукационная Комиссия». После окончательного раздела Польши дела этой комиссии относительно русских частей Польши,

возвратившейся в состав Российской Империи, находились в чрезвычайной запущенности. Чацкий подал мысль и сам же помог привести ее в исполнение, чтобы для управления делами иезуитских имений и капиталов были учреждены в России две эдукационные комиссии — одна для губерний Киевской, Волынской и Подольской, а другая для пяти губерний белорусских и литовских. Будучи назначен президентом первой комиссии, он распутал дела самые многосложные и открыл в пользу училищ, из доходов и процентов иезуитских имений и капиталов, фондуш в 2,350,000 злотых польских, или в 352,500 рублей серебром [Кулжинский: 457–458].

Главным проектом Чацкого и делом его жизни стал Кременецкий лицей, открытый в 1805-м и ликвидированный, как и большинство польских училищ на Волыни, в 1831-м, после поражения польского восстания. Кабинеты, остатки библиотеки, коллекции, ботанический сад, — все было перевезено из Кременца в Киев; туда же отправилась часть преподавателей, и на базе Лицея был создан Киевский университет св. Владимира. Подробнее об этом — см.: [Rolle; Булкина].

Предмет нашего исследования — не столько биография, сколько репутация графа Чацкого. Первые польские апологии Чацкого появляются почти сразу после его смерти (в 1813–1817 гг.). Биограф и «пропагандист» наследия Чацкого ксендз Алоизий Осинский преподавал в Лицее польскую, латинскую литературу и римские древности. Именно к его книге [Osiński] и к его живым рассказам восходят — напрямую или опосредованно — большинство поздних свидетельств, как апологетических (Сбитнев, Брадке), так и откровенно антипольских (Кулжинский²).

² Характерно, что Гоголь, ученик И. Кулжинского по Нежинской гимназии, в целом относившийся к нему скептически, разделяет этот характерный для малороссиян антипольский пафос и «кремонецкое наследство» характеризует еще резче. Отчасти его характеристики («кремонецкая плесень») продиктованы ревностью: Брадке приглашает в Киев польских профессоров из Кременца и игнорирует настойчивое желание Гоголя получить место профессора истории. Ср. письмо В. В. Тарновскому от 7.08.1834: «Ну,

Культ Чацкого в большей степени распространяется после уничтожения Лицея — отчасти бывшими учащимися и преподавателями, но в немалой степени и людьми, которые по долгу службы вынуждены были Лицей уничтожить, т. е. реквизировать и перевезти основные фонды его в Киев. Приведем характерное свидетельство одного воспитанника. Это строки из мемуаров Густава Олизара, киевского маршалка, поэта и несостоявшегося жениха Марии Раевской:

Я не могу не преклониться перед тенью человека, которого не дозволяю себе называть святым лишь потому, что римско-католическая церковь таковым его не признала. Но если нынешнее поколение наше, столь много претерпевшее ради дорогого отечества, не может забыть, сколь обязано оно Чацкому, укрепившему в сердцах неугасимое чувство долга, то что же должен чувствовать я? Ведь для меня Чацкий был вторым отцом [Олизар: 11].

Чиновники российского Министерства народного просвещения писали не столько о роли Чацкого в воспитании польских патриотов, сколько о его «преданности учебному делу», пропагандистских талантах и невероятной энергии. Благодарным поклонником Чацкого и в определенном смысле продолжателем его дела стал попечитель Киевского округа и учредитель Киевского университета Е. Ф. фон Брадке. Он посетил Лицей сразу по назначению в должность, в 1832 г.:

Лицей <...> был устроен знаменитым Чацким, человеком знатным, богатым, всеми уважаемым, чрезвычайно образованным и до фанатизма преданным учебному делу, для успехов которого он готов был на всякую жертву. <...> Чацкий воспользовался <...> своим сильным значением, которое основывалось отчасти на особенной милости к нему императора Александра, и ста-

какой сволочи набрали в ваш киевский университет! Мне даже жаль бедного Максимовича, что он попался между них. Можно ли это? Новый университет! тут бы нужно стараться, пользуясь этою выгодою, набрать новых профессоров, а вместо этого набрали старой плесени из глупого кременецкого лицея. Я сам было думал в киевский университет, да, к счастью, не сошелся с вашим Б.<радке>...» [Гоголь: X, 335–336].

рался как можно выше поднять Лицей и доставлять ему все нужные материальные средства. Это и удалось ему: Кременец явно соперничал с Вильною, и многие профессора были лучше Виленских. Суетность знати удовлетворялась, добровольные пожертвования умножались, собран был капитал в несколько сот тысяч, и распространялось убеждение, что частный человек обязан жертвовать своими собраниями на умножение собраний Лицея. Таким образом, число книг в библиотеке превысило 100 тысяч томов, и кабинеты видимо умножались. Многие ревностные патриоты стали проводить в Кременце зимние месяцы; маленький дотоле городок оживился безпрестанными балами и другими увеселениями. <...> Дошло до того, что на масленицу многие знатнейшие семейства переселялись в Кременец из Парижа [Брадке: 273–274].

Другой характерный «культовый» документ — «Записки» И. М. Сбитнева, чиновника уваровского министерства, командированного в Кременец для того, чтобы принять дела упраздненного польского Лицея. Сбитнев записывает рассказы кременецких профессоров. Отчасти это живое предание, в основе которого лежит апология А. Осинского.

Кременецкое предание выстраивается как житие. Сбитнев пересказывает историю о том, как

малым ребенком получаемые на свои детские расходы карманные деньги отдавал он <...> учителю за обучение сирот чтению, письму и Закону Божию. Для этой цели он выпросил у отца своего домик в Порыцке, поместил в нем школу и учителя и содержал их на своем иждивении [Сбитнев: 462].

Автор минует собственно польскую историю — то, о чем в первую очередь пишут польские биографы: работу в комиссиях сейма и соответствующие проекты и книги, и непосредственно переходит к появлению Чацкого в Петербурге после поражения восстания. Здесь следует любопытная версия отношений Чацкого с Павлом I и тех многочисленных предпочтений, которые поляки получили в 1796–1801 гг. Согласно этой апологетической версии, Чацкий был в чрезвычайной милости у Павла, получал все, что ни попросит, а попросил он реформу судов, губернские выборы на Волыни, освобождения

Костюшко и ссыльных. Иными словами, именно Чацкому поляки обязаны всеми милостями павловского царствования.

Однако И. М. Сбитнев и его кременецкие собеседники «расходятся в показаниях» с другим чрезвычайно информированным мемуаристом — Адамом Чарторыйским. В «Мемуарах» Чарторыйского представлена совсем другая версия: Павел был чрезвычайно увлечен Костюшко, и тот, как мог, использовал это влияние.

Что же до реальных заслуг Чацкого, то он, несомненно, имел отношение к судебной реформе на Волыни и изменению порядка выборов. Во время коронации Павла Чацкий находился в Москве в качестве делегата от Киевской губернии, он подал на имя государя прошение через кн. Куракина, где, в частности, речь шла и о реформах. Прощение было в основном удовлетворено.

Затем в записках И. М. Сбитнева следует знакомая по польским источникам информация об устройстве учебных заведений в Виленском округе и о том, как Чацкий сумел пробудить энтузиазм в местном дворянстве. Сбитнев, никогда не видевший Чацкого, использует характеристики людей, его помнивших: «бойкий, мудрый, величавый Чацкий». Он ссылается на бывшего министра просвещения гр. П. В. Завадовского, который «уподоблял Чацкого в красноречии Геродоту». Тут имеется в виду речь Чацкого на открытии Волынской гимназии (Кременецкого лицея) 1 октября 1805 г. Речь эту Чацкий прислал Завадовскому, и тот, по собственному признанию, «читая <...>, так упоялся подобною сладостью, какова действовала на душу древних греков, рукоплескавших Геродоту, когда сей предлагал им свою историю» [Завадовский: 430]³.

Эта «кременецкая апология» во многом выстроена по агиографической схеме, и за перечнем заслуг следует перечень преследований с одним и тем же сюжетом: на Чацкого пишут

³ Завадовский сам учился у иезуитов, овладел навыками латинского красноречия и любил блеснуть ими при удобном случае. В этом письме Чацкому он нарочито демонстрирует перед знаменитым оратором собственные риторические умения.

донос, он красноречиво оправдывается, убеждает всех в своей правоте и добивается продвижения нового проекта. Преследования начинаются в 1807-м и связаны с общим сочувствием поляков Наполеону. Тогда же, в 1807 г., появляется первый проект перенесения Кременецкого лицея в Киев — подальше от западных границ. Тогда же (по доносу) Чацкий отправлен под надзор в Харьков. Сбитнев, транслирующий кременецкую версию, пишет, что Чацкий сумел расположить к себе профессоров Харьковского университета и направил жалобу императору. Но, вероятно, не обошлось без заступничества попечителя Харьковского учебного округа графа Северина Потоцкого. Из Петербурга прислали комиссию, Чацкий «геродотовским» красноречием убедил всех в своей невиновности, и... закрепил свой успех: представил в Петербурге проект об учреждении в Кременце школы землемеров. Проект этот тогда же был высочайше утвержден.

В 1810 г. происходит похожее разбирательство в Житомире:

Чацкий объяснялся сильно, убедительно и отчетливо перед этой комиссией, и она совершенно его оправдала от ложных доносов и нашла необходимой потребностью оставить лицей в Кременце [Сбитнев: 468].

Последний донос был написан в 1812-м, автором его был кн. П. И. Багратион, который жаловался, что Кременецкий лицей и его воспитанники игнорируют русскую службу и не желают сражаться против Наполеона (см.: [Олизар: 11]). Чацкий опять принимается хлопотать, в начале 1813-го едет в Житомир, оттуда — в Дубну, навстречу кн. А. Чарторыйскому, но простужается и там же в феврале умирает от нервной горячки.

В Польше и на Волыни, в Виленском округе и Киевской губернии Чацкий, безусловно, культовый персонаж. Он оставался таковым на протяжении многих десятилетий после смерти. Любопытна в этом смысле русская повесть Т. Г. Шевченко «Варнак». Повесть написана в середине 1850-х, ее герой — раскаявшийся разбойник — по ходу действия оказывается в Кременце:

Возвращаясь из Почаева, я зашел в Кременец посмотреть на королеву Бону и на воздвигавшиеся в то время палаты или кляштор для кременецкого лица. Мир праху твоему, благородный Чацкий! Ты любил мир и просвещение! Ты любил человека, как нам Христос его любить заповедал! [Шевченко: 167].

Наконец, в ряду «культовых свидетельств» упомянем т. н. «природный памятник»: скалу под названием «Голова Чацкого», которая по сей день является одним из символов Житомира [Трипольский; Магнер: 209–210].

В российских столицах о Чацком знали меньше, хотя имя его, так или иначе, было на слуху. Кроме упомянутого выше интереса Карамзина, вспомним «польские связи» рылеевского круга, популярность «просветительских проектов» Немцевича и моду на польских литераторов в Петербурге 1820-х (отчасти самими этими литераторами спровоцированную). Булгарин находился в центре этого процесса. В 1820 г. в «Сыне Отечества» он дебютирует пространным обзором польской литературы, где отдельно останавливается на виленском круге и просветительской деятельности Чацкого. То, что он пишет, находится в соответствии с общим пафосом местного предания:

Фаддей Чацкий учеными своими сочинениями о Законодательстве, Правоведении и Истории <...> открыл неисчерпаемый источник для намеревающихся подвизаться на сем пути. <...> Попечению и ревности сего ученого мужа обязана Кременецкая Гимназия, что ныне Лицей, своим существованием. Воспламененный любовью к наукам, он умел перелить чувства свои в сердца своих соотечественников, помещиков Волынской и Подольской губерний, кои значительными пожертвованиями соорудили сие полезное заведение, удостоившееся покровительства Императора Александра [СО: 207–208].

Булгарин отдельно упоминает о собранной Чацким библиотеке, которую после его смерти Адам Чарторыйский выкупил для Виленского университета. Вероятно, этот жест Чарторыйского был продиктован заботой не столько о книжных собраниях университета, сколько о наследниках Чацкого: после смерти основателя лица выяснилось, что имущества его заложены и фактически все свое состояние он потратил на лицей.

В своих мемуарах Булгарин вспоминает о Чацком как о блестящем и остроумном молодом человеке:

В числе холостяков помню родственника князя Доминика Радзивилла, Фаддея Чацкого, и двух братьев Антона и Матвея Водзьбунов. — Фаддей Чацкий и Матвей Водзьбун почитались первыми остряками между тогдашнею литовскою благовоспитанною молодежью, хотя Чацкий был выше⁴ [Булгарин: 355].

Естественно предположить, что имя Чацкого могло быть на слуху у людей, интересующихся Польшей и польскими делами. Имя это возникало в известном ряду (Коллонтай, Чарторыйский, Северин Потоцкий) и ассоциировалось с польскими просветительскими сюжетами. Коль скоро имя было связано с известным человеком, мы попытаемся ответить на вопрос: какое отношение реальный граф Фаддей Чацкий мог иметь к своему литературному однофамильцу.

У этого вопроса есть некоторая история: наиболее подробно им занимался житомирский исследователь Генрих Магнер [Магнер]. Ему принадлежит остроумная, но во всех отношениях авантюристическая версия, суть которой заключается в том, что в известном анекдоте Гиляровского о «некоем Чатском», забаллотированном в Английском клубе, фигурирует сам автор «Горя от ума», инкогнито явившийся 17 марта 1815 г. в московском Английском клубе под именем Чацкого и разыгрывавший там известного своим красноречием польского просветителя. Так будто бы выглядело «первое представление» будущей комедии. В этой версии не вызывает сомнений лишь одно: брест-литовская дислокация Московского гусарского полка. Об этом пишет также И. Л. Багратион-Мухранели, однозначно утверждающая, что фамилия «Чацкий» — польская, что Грибоедов и сам был польского рода, из смоленской шляхты, что польские сюжеты были ему не безразличны и о графе Фаддее Чацком он, скорее всего, знал.

⁴ Здесь, вероятно, имеет место абберрация памяти: в этой главе речь идет о Тильзите и событиях после 1807 г. Но если Булгарин помнит Чацкого молодым холостяком, следовательно, он встречался с ним гораздо раньше.

Это представляется нам весьма правдоподобным. В первой редакции фамилия героя — «Чадский», затем Грибоедов меняет ее на «Чацкий» и вставляет реплику Загорецкого:

Который Чацкий тут? — Известная фамилья.
С каким-то Чацким я когда-то был знаком. —
Вы слышали об нем? (д. III, явл. 17)

Фамилия «Чацкий» не вполне «персонажная», она выделяется в общем ономастическом ряду «Горя от ума». Первый ее вариант естественно вписывается в череду «значимых» имен, что заставляет одних исследователей производить «Чадский» от «чада» [Анциферов: 168–169], других — предполагать за грибоедовским героем реального прототипа — Чаадаева. В пользу первой версии, кроме многократно помянутой исследователями значимой цитаты про «чад и дым», свидетельствует и «говорящая» фамилия одного из двойников-антиподов — Загорецкий⁵. Вторую, главным образом, поддерживает авторитет Ю. Н. Тынянова [Тынянов]. Тыняновское предположение держится, в первую очередь, на ошибке Пушкина⁶. Тынянов вспоминает также известные биографические обстоятельства Чаадаева, но, очевидно, его более всего увлекает поздняя «биографическая рифма».

Одна из последних «прототипических» версий принадлежит Е. Н. Цимбаевой. Представив подробные биографические реконструкции всех персонажей «Горя от ума», исследовательница приходит к выводу, что Чацкий, по всей вероятности, прибыл в Москву из Петербурга, что служил он в Поль-

⁵ Упомянем об еще одном «говорящем» прочтении: Чадский от «чадо», т. е. явившийся «с корабля на бал» герой — один из череды наследников Чайльд-Гарольда.

⁶ Пушкин, еще не читая комедии, но прослышав о ней, предположил, что это очередная «комедия на лица»: «Что такое Грибоедов? Мне сказали, что он написал комедию на Чаадаева; в теперешних обстоятельствах это чрезвычайно благородно с его стороны» [Пушкин: X, 176]. Письмо написано в 1823 г., прочитав комедию и убедившись, что она «не совсем то», что он думал, Пушкин более к этой аналогии не возвращался.

ше (именно там имела место «с министрами связь» и последовавший затем «разрыв»), что служба в Польше происходила в конце 1810-х, что «разрыв» произошел в 1821-м и что Грибоедов просто воспроизводит биографию П. А. Вяземского [Цимбаева]. В этих замечательных «реконструкциях» есть лишь один недостаток: вся хронология выстраивается от даты окончания последней редакции, т. е. от весны 1824 г.

Но мы все же будем исходить из того, что грибоедовская комедия создавалась на протяжении многих лет, что замысел ее последовательно менялся и, в конечном счете, это не «комедия на лица». Мы попытаемся задуматься над тем, почему в последней редакции этот герой носит не вполне «персонажную», но «известную» польскую фамилию, почему его имя выведено из ряда традиционных «литературных» имен. Поскольку в центре внимания нашей статьи — репутация реального Чацкого, мы все же поставим вопрос: какие ассоциации при звуке этого имени могли возникать у автора и у первых слушателей комедии.

Безусловно, Грибоедов не пытался вывести на сцену реального графа Чацкого, и мы можем лишь догадываться, что именно он о нем знал. Однако он имел представление о людях одного с Чацким круга: о кн. Чарторыйском, о Северине Потоцком, о том же Немцевиче. «Горе от ума» — это история о патриоте и энтузиасте, который без конца апеллирует к обществу, но все его красноречие пропадает впустую, «разбивается, что об стенку горох». Он выглядит глупцом — он обращается не к тем, он «мечет бисер перед репетиловыми». И финал известен: его объявляют безумцем. Но, оглядываясь на историю реального графа Фаддея Чацкого, мы знаем, как такой сюжет выглядел в польском обществе: красноречивый просветитель зывал к патриотическому чувству сограждан, «воспламененный любовью к наукам, он умел перелить чувства свои в сердца своих соотечественников», и он добивался результата, увеличив число учебных заведений до 126!

В этом контексте имеет смысл вспомнить и о характерных в начале 1820-х гг. «идеологических» кальках с польского: Вяземский переводит «народность» (*nationalité*) по образцу

польской “narodowość”. Польский опыт просвещенного патриотизма в кругу людей, близких к Грибоедову, тоже пытались «перевести на русский». Именно такой смысл имела рылеевская попытка переложения «Дум» Немцевича: по жанру это именно патриотический и просветительский проект. Патриот, в польской огласовке, — просветитель народа, и он пользуется

необычайным сочувствием и поддержкой общества. Русская комедия представляет московское общество и красноречиво проповедующего патриота, который выглядит нелепым говоруном и провозглашен безумцем.

ЛИТЕРАТУРА

- Анциферов: *Анциферов Н.* Грибоедовская Москва // А. С. Грибоедов, 1795–1829: Сб. ст. М., 1946. С. 150–183.
- Багратион-Мухранели: *Багратион-Мухранели И.* Грибоедовский западно-восточный диван // Современная драматургия. 1994. № 4.
- Брадке: Автобиографические записки сенатора Е. Ф. фон Брадке // Русский архив. 1875. № 3.
- Булгарин: *Булгарин Ф. В.* Воспоминания. М., 2001.
- Булкина: *Булкина И.* Политика Николая I в Юго-Западном крае и учреждение Университета Св. Владимира // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. VII (Новая серия): К 80-летию со дня рождения Зары Григорьевны Минц; К 85-летию со дня рождения Юрия Михайловича Лотмана. Тарту, 2009.
- Гоголь: *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.: [В 14 т.]. М.; Л., 1937–1952.
- Завадовский: Граф Завадовский и Фаддей Чацкий // Русская старина. 1898. Т. 93. С. 428–430.
- История Русов: *Кониский Г.* История Русов, или Малой России. М., 1846.
- Кулжинский: *Кулжинский И.* Воспоминания о Волини // Волинський музей: історія і сучасність: Матеріали IV Всеукр. наук.-практ. конф., присвяч. 80-річчю Волин. краєзн. музею та 60-річчю Колодяжнен. літ.-мемор. музею Лесі Українки. Луцьк, 2009.
- Магнер: *Магнер Г.* Три Чацьких // Українська полоністика. Випуск 3–4. URL: http://eprints.zu.edu.ua/3193/1/Magner_Genrich.pdf
- Меламед 1976: *Меламед Е.* Забытое письмо Н. М. Карамзина // Русская литература. 1976. № 3.

- Меламед 1978: *Меламед Е.* Порицкий библиофил // Альманах библиофила. 1978. Вып. 5.
- Олизар: Мемуары графа Олизара // Русский вестник. 1893. № 8.
- Пушкин: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. М.; Л., 1951.
- Сбитнев: Записки И. М. Сбитнева // Киевская старина. 1887. Т. 17. № 2.
- СО: Сын Отечества. 1820. № 31.
- Трипольский: *Трипольский Н. Н.* Исторические сведения о городе Житомире Волынской губернии. Житомир, 1900.
- Тынянов: *Тынянов Ю. Н.* Сюжет «Горя от ума» // Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М., 1969.
- Цимбаева: *Цимбаева Е.* Художественный образ в историческом контексте (Анализ биографий персонажей «Горя от ума») // Вопросы литературы. 2003. № 4.
- Чарторыйский: Мемуары князя Адама Чарторыйского. М., 1912.
- Шевченко: *Шевченко Т. Г.* Повне зібрання творів: У 6 т. Т. 3. Київ, 1963.
- Osiński: *Aloizy Osiński.* O życiu i pismach Tadeusza Czackiego, Krzemieniec, 1816.
- Rolle: *Rolle Michał.* Ateny Wolynskie. W II. Lwow; Warszawa; Krakow, 1923. Репр. Киев, 2007.